

Все знали, что Линь Хайян никогда не отказывался от угощений фанаток, поэтому в этот раз они принесли столько еды, бережно согревая её всю дорогу. Каково же было их удивление, когда Линь Хайян смущённо замахал руками: «В этот раз не могу принять, простите...»

— Это правила компании? — разочарованно спросили фанатки, хотя и старались понять. — Всё же, мало ли что, вдруг кто-то подложит что-то нехорошее...

— Нет, нет, — лицо Линь Хайяна покраснело ещё сильнее, и он замялся. — Просто я сильно поправился, и менеджер сказал, что надо худеть, нельзя есть что попало.

Для фанаток их кумир всегда был окружён сияющим ореолом, поэтому девушки тут же бросились его утешать:

— Какой толстый? Да ты же ещё совсем худой! Менеджер не должен равнять тебя по другим. Ты и так стройный... Сколько ты сейчас вешишь? Наверное, килограмм семьдесят?

Линь Хайян опустил голову, полный раскаяния:

— Сейчас... сейчас восемьдесят три килограмма...!

У фанаток слова застряли в горле: ...Это, малыш, уже перебор!

В гнетущей тишине та самая громкоголосая девушка совершенно естественно заявила:

— Что ты! Хайян, не слушай менеджера! Парня и толстым-то не назовёшь, пока сотни килограммов не наберёт!

Остальные про себя ахнули: Да как такое вообще говорить?!

Линь Хайян, услышав это, тут же поднял голову:

— Правда? Ну тогда я спокоен...

...И ты тоже! Ты правда веришь?!

Увидев его сияющую глуповатую улыбку, фанатки мгновенно отбросили принципы и принялись осыпать его комплиментами. «Да хоть двести килограммов — всё равно будешь самым милым», «Другие тяжелеют от жира, а наш Хайян — от милоты», «На съёмках так много работаешь, обязательно нужно хорошо питаться». Линь Хайян буквально парил от этих слов, едва сдерживая неприличную для ситуации улыбку.

Внезапно, пока они всё ещё окружили его, сзади, поодаль, появился высокий статный мужчина, с тонкой талией, длинными ногами и низким бархатным голосом:

— Хайян, иди сюда.

Услышав голос Лин Чэна, Линь Хайян глупо обернулся:

— Лин-гэ, что такое? Я ещё побуду с ними!

Девчонки остолбенели. Это... чёрт возьми, да это же сам Лин Чэн, таинственно исчезнувший император экрана, которого его собственные фанаты готовы были объявить в розыск по всей стране, и объект слухов о романе с Линь Хайяном!

Лин Чэн подошёл, переставляя длинные ноги, и увидел Линь Хайяна с широко раскрытыми глазами, окружённого такими же широкоглазыми девчонками. На мгновение ему почудилось, будто он видит золотистого ретривера-отца в окружении щенков:

— Ты всё ещё не можешь пройти ту сцену?

Линь Хайян подумал и снова почувствовал стыд:

— Я просто не понимаю, как её сыграть...

Хотя внутри у Лин Чэна бушевали волны и цунами, лицо его оставалось ледяным и невозмутимым:

— Тогда иди, я тебе помогу.

Линь Хайян опешил:

— ...А?

Попрощавшись с ошарашенными девчонками, Линь Хайян в полном недоумении последовал за Лин Чэном. Его привели в маленькую комнатку, где он послушно уселся.

Лин Чэн сохранял безмятежный вид и начал разговор:

— О чём та сцена? Помнишь?

Линь Хайян мгновенно выпрямился и начал с жаром цитировать сценарий:

— «Лин Шухуань, словно обезумев, прижимает Ипин к стене, яростно целует её шею и щёки, не обращая внимания на её отчаянное сопротивление, и наконец касается губами её губ...»

Лин Чэн лишь слегка кивнул, сохраняя спокойствие, хотя внутри подумал: «Как страстно!»

Он слегка кашлянул и начал подыскивать оправдания:

— Как твой старший товарищ, я обязан помочь тебе в творческом кризисе. Давай сначала попробуем отрепетировать вместе...

Услышав это, Линь Хайян резко поднял голову, полную благодарности:

— Правда, Лин-гэ? Тебе не будет неприятно?

Лин Чэн удивился:

— С чего бы?

— Ну и хорошо, — радостно кивнул Линь Хайян, достал блокнот с репликами, заглянул в него и принялся бормотать:

— Спасибо, Лин-гэ, спасибо... Чэнь-цзе — девушка, я не могу слишком сильно на неё давить...

Лин Чэн слушал его бормотание, и вдруг его охватило дурное предчувствие:

— Хай... Хайян?

В следующее мгновение перед ним помутнело — Линь Хайян с силой швырнул его на стену. Не готовый к такому, Лин Чэн едва не выдохнул лёгкие:

— Погоди, тут что-то не то...

Линь Хайян строго следовал сценарию: нахмурившись и закрыв глаза, он принялся «яростно целовать шею и щёки» Лин Чэна. Тот, прижатый к стене, не мог пошевелиться и лишь чувствовал, как Линь Хайян, словно поросёнок, уткнулся в него мордой, сопя и оставляя влажные пятна. По телу Лин Чэна побежали мурашки, и он попытался вырваться.

Но Линь Хайян безжалостно подавил его сопротивление. Лин Чэн дёрнулся и тут же был снова вдавлен в стену невероятной силой, словно мёртвая рыба. Поняв, что сопротивление бесполезно, он замер, с холодным лицом, в душе роняя две строки безнадежных слёз: «Это совсем не то, что я себе представлял...»

Линь Хайян какое-то время самозабвенно играл в одиночку и лишь потом заметил, что партнёр не участвует. Наконец он отпустил Лин Чэна и даже с лёгким недовольством спросил:

— Лин-гэ, а ты почему не двигаешься?

— ...А как я должен двигаться? — Лин Чэн оторвался от стены — спина болела от удара, — но не сдавался. — Хайян, ты неправильно понял. Я должен играть твою роль.

Линь Хайян разинул рот:

— А? Почему?

Лин Чэн, увидев возможность, принялся серьёзно его убеждать:

— Как актёр, ты должен понимать сцену не только со своей позиции. Тебе нужно почувствовать, что испытывает твой партнёр...

Линь Хайян быстро сообразил:

— Тогда я просто спрошу Чэнь-цзе, разве нет?

Лин Чэн мысленно ахнул: «Почему эту сообразительность нельзя использовать в обычное время?!»

Сочтя свою логику неопровержимой, Линь Хайян тут же собрался идти к Чэнь Линь, но Лин Чэн остановил его и продолжил вешать лапшу на уши:

— Если бы все чувства можно было описать словами, зачем тогда вообще играть? Не прочувствовав самому, разве можно по-настоящему понять?

Линь Хайян поражённо вздрогнул, и у него словно пелена с глаз упала:

— Точно! Лин-гэ, как ты прав!

Он снова подошёл к стене и с готовностью прислонился к ней спиной:

— Давай, Лин-гэ!

Добившись своего, Лин Чэн не смог сдержать лёгкую улыбку в уголке губ, но в следующую

секунду уже набросился на него:

— Почувствуй это всем сердцем.

Линь Хайян закрыл глаза. Перед ним налетел ветер, и лицо Лин Чэна, полное решимости, опасно приблизилось. Тот схватил его за руки, и жилы на его предплечьях напряглись от силы.

Линь Хайян попытался вырваться и обнаружил, что, кажется, может это сделать.

Уголок рта Лин Чэна дёрнулся. Со всей силой он принялся «целовать» его шею и щёки. Линь Хайян активно включился в процесс, даже подыгрывая репликами героини, пока наконец Лин Чэн не поднял голову. Его взгляд стал глубоким, и он медленно приблизился.

Линь Хайян, сам не зная почему, вдруг покраснел.

Лин Чэн, внутренне ликуя, приблизился ещё чуть-чуть. По мере сокращения расстояния лицо Линь Хайяна становилось всё алее, а взгляд начал бегать. Лин Чэн тихо спросил:

— Какие ощущения?

Линь Хайян, краснея до ушей, замялся:

— Вообще-то, Лин-гэ, я...

Лин Чэн почувствовал, как упирающиеся в его грудь руки Линь Хайяна слегка отталкивают его, и понял, что малыш смущается. Он не смог сдержать коварную улыбку, поднял подбородок Линь Хайяна, который всё ниже опускался к груди, и произнёс низким, бархатным голосом:

— М-м? Что такое?

Его дыхание коснулось лица Линь Хайяна. Тот слегка нахмурился, и на его покрасневшем лице появилось выражение терпения. Он разжал стиснутые губы, на мгновение встретился с ним взглядом, затем быстро отвёл глаза и, дыша ароматно, прошептал:

— Лин-гэ, я...

<http://bllate.org/book/16280/1466324>